

Ондар Валентина Сувановна

ОТРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВА В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА "БОКТУГ-КИРИШ, БОРА-ШЭЭЛЕЙ")

Работа посвящена анализу именных лексем с пространственной семантикой в тексте героического эпоса "Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей". В тексте героического сказания особое место занимают такие элементы ландшафта, как горы, реки, степи, тайга. Все это свидетельствует о значимости данных компонентов ландшафта в жизнедеятельности героев эпоса, они являются ключевыми фрагментами действительности. На конкретных примерах проанализирована семантика лексем горного, водного и равнинного ландшафтов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/2-2/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 2(56): в 2-х ч. Ч. 2. С. 129-134. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Новиков Л. А. Избранные труды. М.: РУДН, 2001. Т. II. Эстетические аспекты языка. *Miscellanea*. 842 с.
2. Пелевин В. Generation «П». М.: Вагриус, 2000. 347 с.

**ON THE PECULIARITIES OF LINGUISTIC REPRESENTATION
OF THE ORNAMENTAL FIELD OF A LITERARY TEXT**

Novikova Ul'yana Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Zimina Natal'ya Yur'evna
Kuban State Technological University
Uliana_novik@mail.ru; zimina_nata@mail.ru

The article examines certain peculiarities of linguistic representation of the ornamental field of a literary text. The authors analyze the different means of its linguistic implementation by the material of the novel by V. Pelevin "Generation P". The analysis is conducted at the language levels, the paper concludes on the productivity of this research trend.

Key words and phrases: linguistic representation; ornamental field; literary text; individual style; V. Pelevin.

УДК 81

Работа посвящена анализу именных лексем с пространственной семантикой в тексте героического эпоса «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей». В тексте героического сказания особое место занимают такие элементы ландшафта, как горы, реки, степи, тайга. Все это свидетельствует о значимости данных компонентов ландшафта в жизнедеятельности героев эпоса, они являются ключевыми фрагментами действительности. На конкретных примерах проанализирована семантика лексем горного, водного и равнинного ландшафтов.

Ключевые слова и фразы: тувинский язык; категория пространства; эпос; семантика; лексема.

Ондар Валентина Сувановна, к. филол. н.
Тувинский государственный университет
barys-hoov@mail.ru

**ОТРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВА В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА «БОКТУГ-КИРИШ, БОРА-ШЭЭЛЕЙ»)**

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-04-00260
«Отражение категорий пространства и времени в тувинском языке».*

Языковые средства, выражающие пространственные представления, отражают осознание человеком реального физического пространства, которое, наряду со временем, является важнейшим параметром материального мира, где осуществляется и физическое, и духовное, и социальное бытие человека. Пространственные отношения считаются базисом для развития темпоральных и обстоятельственных отношений вообще, а пространственные категории являются, тем самым, центральными для человеческого мышления. Пространственно-временные представления, вырабатываемые языковым сознанием, участвуют в конструировании в рамках каждой культуры своей особой модели мира [9, с. 3].

В последнее время ученые-лингвисты проявляют большой интерес к средствам выражения категории пространства. Особое внимание уделяется грамматике пространства (физического и временного), т.е. строевым средствам выражения пространственных и временных отношений. В российском языкознании среди последних работ, посвященных категории пространства, можно отметить исследования проблем пространственного и временного дейксиса в русском языке Ю. Д. Апресяном [2] и Е. В. Падучевой [12], а также описание поля пространственности членами группы А. В. Бондарко [5] в рамках теории функциональной грамматики и А. А. Абдуллиной [1].

На материале тюркских языков Сибири на данный момент имеются исследования, посвященные описанию языковых средств, выражающих пространственные в функционально-семантическом аспекте: А. Н. Чугуновой о глаголах движения в хакасском языке [19], Н. Я. Сагаан о послелогох и служебных именах, выражающих пространственные отношения в тувинском языке [13], Т. Е. Орсуловой о послелогох и служебных словах в алтайском языке [10], В. С. Барыс-Хоо о глаголах движения в тувинском языке (в сопоставительном аспекте) [3], А. Б. Хертек о значениях локальных падежей в тувинском и хакасском языках [18] – которые затрагивают отдельные языковые средства. Работы Н. Ч Серээдар, Е. К. Скрибник, М. И. Черемисиной «Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири» [15], И. А. Невской «Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка)» [9] содержат модельное описание систем локативных конструкций. Рассматриваются их внутренняя структура и семантика на синтаксическом языковом уровне.

В рамках когнитивного анализа языковых средств с пространственным и временным значениями в тюркских языках можно отметить следующие работы: коллективную монографию «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время» [8] (пространство в данной монографии рассматривается в этнографическом аспекте); работу А. М. Сулеймановой «Выражение пространственных отношений в кумыкском и английском языках» [16], выполненную в сопоставительном аспекте.

В фольклоре данная проблема рассматривалась В. А. Бахтиной на материале русских сказок в работах «Время в волшебной сказке» [4], «Пространственные представления в волшебных сказках». Пространственные представления «свой – чужой» и «верх – низ» на примере азербайджанских сказок описывались Ф. Гезаловым [6]. Семантика эпического пространства на материале якутского языка рассмотрена в работе Л. Н. Семеновской [14]. В шорском языке выявлению и описанию категории пространства в героическом эпосе посвящена работа Д. М. Токмашева [17].

В тувинском языке данный вопрос не был объектом специального исследования, этим и определяется новизна работы. Целью работы являются семантические особенности средств выражения категории пространства в тексте героического эпоса «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей».

Материал исследования извлекался путем сплошной выборки анализируемых слов из текста «Тувинских героических сказаний» [11].

Героическое сказание «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей» начинается с описания места жительства героев. В тексте эпоса центром эпического мира является *аал* / 'становище'. *Аал* – это обжитое, родное место. Родная земля включает в себя такие объекты, как гора, река, тайга. Главным элементом ландшафта является река. Река – это родовая территория, родной край. Реки являются главным ориентиром местности.

В мировоззрении тувинцев ориентация в пространстве по сторонам света играет главную роль. В тексте эпоса для обозначения севера употребляется слово *соһгу чук*. Юг передается лексемой *мурнуу чук*, 'восток' / *чоон чук*, *запад* / *барыын чук*. *Соһгу чук* / 'север' у героев связан с родным домом, родной землей. Герои эпоса при знакомстве называют не только свое имя, имя коня, своего отца, но и реки, горы, стороны света. Будучи скотоводами, старик Окендей-Мерген с женой Сулапай обитают на берегу реки Элдиг-Кара, текущей с северной стороны. Например: *Эртенгиниһ эртезинде, // Бурунгунуһ мурнунда // Чиге соһгу чуктен бады келген // Элдиг-Кара хемниһ белдирин чурттаан // Эктин ашкан эттиг, // Бажын ашкан малдыг, // Назын догун, кырый берген, // Озен-Кула аъттыг, // Сулапай деп кадайлыг, // Окендей-Мерген ашак // Чурттап турган чуве-дир эвеспе аан* [Там же, с. 229]. / 'Раньше раннего, // Прежде давнего [времени] // У слияния [вод] реки Элдиг-Кара, // Текущей прямо с северной стороны, // Жил, оказывается, // Старик Окендей-Мерген // С женой по имени Сулапай – // [Они] возраста достигли, состарились- // С конем Озен-Кула, // С добром выше плеч, // Со скотом выше головы' [7, с. 229]; *Аал-чурттуһ кайдал? // Аьдыһ, бодуһ Ады кымыл? // Кайы углап бар чыдар чуве сен? – деп-тир эвеспе. // Чиге соһгу чукте // Элдиг-Кара хем чурттуг, // Эһгиргей, Кыһгыргайны эжелей торээн // Окендей-Мерген оглу // Аяһ-Кула аъттыг // Боктуг-Кириш деп кижжи мен* [11, с. 380]. / 'Где твой аал-становище? // Как имя твоё и коня твоего? // Куда направляешься-едешь? – говорит, оказывается // Зовут меня Боктуг-Кириш, // Имеющий коня Аян-Кула, // Я [–] сын Окендей-Мергена, // Живущий прямо в северной стороне, // На реке Элдиг-Кара, // С рождения владеющий Эһгиргеём [и] Кыһгыргаем' [7, с. 380].

Следующими важными по значимости элементами ландшафта являются гора, тайга. Гора осмысливается как сакральное место, место единения рода. В эпосе особое место занимает культ гор. У героев Окендей-Мергена, Сулапай имеются родовые горы-тайги Эһгиргей, Кыһгыргай. Интересен эпизод совершения обрядов *даг дагыры* / «освящение горы», *тайга дагыры* / «освящение тайги» и *сах салыр* («возжигание священного огня»). Обряд *даг дагыры* / «освящение горы» сводится к тому, что данный религиозный обряд совершается летом на определенной горе с целью прошения у хозяина горы благосклонности. Значение обряда *тайга дагыры* / «освящение тайги» состоит в том, что у духа тайги просят хорошей погоды. «*Саһ салыр*» – это ритуал подношения пищи духам-хозяевам местности. Летом Окендей-Мерген и Сулапай поднимаются на горы-тайги Эһгиргей, Кыһгыргай, где совершают обряд поклонения родовым горам. Следует отметить, что в героическом сказании местом для поклонения хозяину горы является вершина священного холма. Слово *тей* / 'холм' реализуется в конструкции с прилагательным *ыдык* / 'священный'. На вершине священного холма Окендей-Мерген разводит большой костер на черном квадратном камне. На камне возжигает пахучие травы с целью воскурения. Герой совершает ритуал «*сах салыр*» с целью кормления хозяина горы. Хозяева гор в эпосе выступают в образе орла и орлицы. Например: *Эһгиргей, Кыһгыргай ийи тайгалыг // Ол тайгаларын // Чыл чылдыһ чайныһ орта айда // Дагып чоруур. // Ону дагырда, аалыныһ артында // Ыдык бора тейниһ бажында // Дорбелчин кара даш бар. // Ооһ кырынга улуг одун ужуткаш, // Тос таһдыныһ артыш, каһгы, агы, шаанак, // Чузун-баазын чечек-чимис // Саһын салыр чуве-дир. Ол дагылгазын дагып турда, // Эһгиргейниһ ээзи Эрээн-Улаат // Эр ала эзир бооп эргилип эртер. // Кыһгыргайныһ ээзи Кызыл-Улаат // Кыс ала эзир бооп эргилип эртер, // Мындыг чуве-дир эвеспе аан* [11, с. 300]. / 'Эһгиргей, Кыһгыргай – две [горы-] тайги // Этим [горам-] тайгам // Каждый год, в средний месяц лета, // Совершали поклонение. // Для того поклонения за аалом, // На вершине священного серого холма // Черный квадратный камень лежал, // На нем большой огонь возжигался, // Воскурение совершалось // Разными цветками-лепестками // Можжевельника, полыни, вереска [с] девяти гор. Все для того поклонения. // Когда поклонение совершалось, // Эһгиргея владыка – Эрэн-Улат, // Пегим орлом обернувшись, делая круг, пролетал; // Кыһгыргая владыка – Кызыл-Улат // Пегой орлицей обернувшись, делая круг пролетала // Вот как было оказывается' [7, с. 330].

Например: *Эки адазынын // Тайга-таһдызынын дагылгазын сактып, // Тос допчудуг алдын согул иштинде // Хопчу каразынын ишти-биле таныжып, // Ооренир аргазын боданып келгеш, // Дыһмазынга чугаалап-тур. // Дыһмазы олургаи: // «Харын сээһ ооһ цын-дыр, акым. // Мен база-ла бодап олурар кижжи мен. // Оран-таһдывыс дагыыр. Сээһ бодунга, аьдынга эки ат, // Мехээ база ат херек деп // Бодап олурар кижжи мен ийин, акым, – // деп-тир эвеспе аан. Акызы олургаи: // «Чаа, дыһмам, мээһ, сээһ болгаи аьдывыска // Эки аттан сен-не адап кор!» – дээрге, // Дыһмазы: «Чаа, канчаар, адап-ла-тыр мен ийин, акым, – дээш, // Боданып олургаи; // Ада-иезиниһ эргеледип адап чораан адын // Солууру берге хирелиг борга: «Акызынын адын Боктуг-Кириш дээш, // Аьдынын адын Аяһ-Кула дээш, // Бодунуһ адын Бора-Шээлей деп адаза // Кандыгыл, акым? – дээрге, // Акызы: «Шын, эки ат-тыр, дыһмам, – деп // Хоореп олурган эр-дир эвеспе» [11, с. 318]. / [Боктуг], вспомнив, как поклонялся [горам-] тайгам // Их хороший отец, // Задумав, как [можно] вызнать // Сохранение черной [книги-]вещуньи // В золоченом согуле с девятью застежками, // Сестре [обо всем] рассказывал. // Сестра его: // «Да, брат мой, а ведь ты прав! // Я тоже думаю: // [Надо] совершить поклонение нашим горам, // Но тебе самому и коню твоему хорошиеш [нужны] имена, // И мне самой [нужно] имя // Об этом я думаю, брат мой! // – Говорит [сестра], оказываешся». Брат ее: // «Ладно, сестра моя, мне, себе и нашему коню // Дай ты сама хорошие имена!» – говорит. // Сестра его: // «Хорошо, назову, брат мой?» – сказала. // И задумалась: // Трудно сменить имена, какими отец-мать // Ласково их называли. // «Что, если старшего брата именем Боктуг-Кириш назову, // Коня – именем Аян-Кула назову, // Себя – именем Бора-Шээлей назову, // Брат мой?» – сказала. // Брат ее: // «Верно, сестра! Хорошие имена!» // – Радостно согласился богатырь, оказалось» [7, с. 318].*

Родное стойбище героев окружено куй / 'пещерой', чалым хая / 'утес-скалой', эзим / 'большим лесом', чалым / 'утесом', алаак / 'полянкой', хавак / 'крутыми склонами', суг / 'рекой'.

Куй / 'пещера' тесно связана с родовыми горами героев. Пещера выступает местом, где хранится наследство героев. В данном отрывке описывается нахождение пещеры, где хранятся снаряжение богатыря, лук, стрела с наконечником, снаряжение богатырского коня, женская одежда. Например: *Шыяан! Боктуг, Бора куну – ужелээ // Баштай Энгиргейниһ холеге чартыын // Дозээлеп-дилеп тургаи, // Ханы кара куйну тып алганнар. // Куйже кире бээрге, // Калбак кара аптара чыткан. // Ужел коорге, // Калбак кара ачымак чыткан. // Ужел коорге, // Эр кижиниһ хер-херексели бурун болган. // Аптараныһ бир чартыында – // Эр аьттыиһ хер-херексели бурун болган. // Куйнуһ бир талазында // Кадыг кара ча, хан хожуула ок турган* [11, с. 310]. / 'Шыяан! Боктуг, Бора и жеребенок – втроем // Сперва на теневой стороне Энгиргея // Стали высматривать, искать // Глубокую темную пещеру нашли. // В пещеру вошли: // Черный сундук широкий стоит. // Порылись – // Черный колчан широкий лежит. // Порылись – // Полное богатырское снаряжение оказалось. // В другой половине сундука // Полное снаряжение богатырского коня оказалось. // В другой стороне пещеры лежали // Тугой крепкий лук [и] стрела с наконечником, [проливающим] кровь' [7, с. 310]; *Кыһгыргайныһ хунгээр талазын // Дозээлеп-дилеп чорааи // Кызыл чалым баарыныһ удун, // Куюн бакылап дилеп чорааи, // Ханы кара куюн тыпкаи, // Кире бээрге, шынап-ла, // Алдын хээлиг хааржак бо-ла чыткан. // Ужел коорге, // Авазыныһ эдилеп чораан эди болгаи // Кедип чораан хеви // Бурун бар бооп-тур* [11, с. 317]. / 'На солнечной стороне Кыһгыргая // Высматривать стали искать; // Перед красным утесом в углубленья-пещеры // Заглядывая, искали // Глубокую темную пещеру нашли. // Входят – и правду: С золотыми узорами ящик стоит. // Порылись – вещи, какими мать пользовалась, // Одежда, какую она носила, – // Все там оказалось» [7, с. 317].

Понятие чалым хая / 'утес-скала' представляет собой место, где героиня прячет погибшего брата Боктуга-Кириша. Например: *Чалым хаям, чарлы берем, // Чаһгыс акым суп каайн, // Ондур хаям, чарлы берем, // Олген акыһ шыгжап каайн» – дээш, // Бир караандан чаи тогулдур ыглап олурда, // Бир караандан хан тогулдур ыглап олурда, // Чалым хая «чалт» кылдыр // Чарлы берген* [11, с. 329]. / 'Утес-скала моя, откройся: // Положу моего единственного брата: // Высокая скала моя разделится, // Укрою моего умершего брата! – сказала. // И, когда так заплакала, что полились слезы из одного глаза, // Полилась кровь из другого глаза, // Утес-скала со звуком "чалт"! // Открылась' [7, с. 329].

Эзим / 'большой лес', чалым / 'утес' обозначают место, где герои играют в сайзанак. Особенностью игры сайзанак является то, что дети строят из камней маленькую юрту со всеми принадлежностями и скотом. Например: *Барып коор-дур – деп бодааи, // Соондан кедеп чорааи, // Эдерип чеде бээрге, // Калбак эзимниһ ортузунда // Ак чалым баарында // Сайзанак тудуп алган: «Боозу мээһ кадарчым, // Боозу сээһ кадарчыһ, // Боозу мээһ оом, // Боозу сээһ ооһ» – дижит, // Ойнап хунзээи, // Кежээ чана бээрге, // «Боларныһ боозун урел каар-дыр» – дээш, // Чеде бергеш, коруп турарга, // Балгаи-биле ог тудуп алган. // Ооһ даитын хананыһ // Каас-чараи карты-биле каастаан, // Сайныһ улуг-биче дажын чыгган, // Ооһ кадарчы-хавычызы деп улус деп // Шойбек даитар шашкылап каан, // Черле каас-чараи деп чувези // Урээр-даа арга чок бооп-тур!* [11, с. 305]. / 'Пойду посмотрю, – так подумал. // Крадучись, за ними // Следом пришел: // Посредине большого леса // Перед белым утесом // Слеплен был [игрушечный] сайзанак. // “Это пастух мой, // Это пастух твой; // Это юрта – моя, // Это юрта – твоя!” – говорили // Играя весь день. // Когда же домой пошли вечером, // “Сломаю-ка их [сайзанак]” – подумав, // [Старик] подошел и видит: // Сложены юрты из глины, // Снаружи их стенки // Нарядно-красиво обмазаны, украшены, // Обложены крупным мелким камнем, галькой // В [землю] воткнуты продолговатые камни: // Это, мол, люди – пастухи и табунщики. // И таким нарядным-красивым все было, // Что никак нельзя поломать!» [7, с. 305].

Алаак / 'полянкой', хавак / 'крутые склоны', суг / 'река' символизируют место поиска пищи, нахождения жеребенка, охоты возмужавшего Боктуга. Например: *Боктуг, Бора алышкылар // Ээн куруг чуртка // Ынчап-ла дилегзинип турда, // Бора бир-ле хун: // «Чаа, акым, куруг ээн черге маһаа // Чеже мынчап олурар бис. // Уургене, кичигене, ай, бес, // Кат, тооруктан чили!» – деп сумелээн. // «Шынында-ла ала, дыһмам» –*

дээш, // Сайзанаанын чанында // Сарыг алаакка баргаиш, // Чер чеми-биле амыдырап, // Шейне шайын хайындырып ижип, // Амыдырап туруп-турлар эвеспе, // Ол анчап тургаиш, // Орге-куске, балык-байлаһ // Олуруп чиир дишкеиш, // Чылгы кажсазынга чедип кээрге, // Кажса иштинде чаи кула кулун // Элеһейнип кылаштап турган. // Чанынга чууржуп кээрге, // Оранып, эмиг дилеп кылаштап келген. // «Боок адаа хоокуйну! База бис ышкаш ада-иезинден чарылган хоокуйну! Иштен эш бо-ла-дыр» – дишкеиш, сегирип алырга, // Чууй соп кааптар, мындыг болган [11, с. 306]. / ‘Когда брат с сестрой – Боктуг и Бора – // В опустевшем, осиротевшем становище // Так вот отыскивали [еду] // Бора однажды сказала: // ‘Брат мой, сколько нам здесь оставаться // В опустевшем, осиротевшем месте? // [Корни] ургене, кичигене, кандык и саранку // Ягоды и орехи давай будем есть,’ – посоветовала. // ‘А ведь правда, сестра моя!’ – [Боктуг] сказал. На желтую поляну // Около сайзанап пошли, // Стали жить пищей земли, // Чай из [травы-] шенне варили и пили – // [Так], оказалось, жили. // Так вот [живя]. // Рыб-пескарей, мышей-сусликов // Убивать и кормиться ими решили, // А в загоне для лошадей // Волосинки, чтоб сделать силки, найти решили. // К загону для лошадей приходят – // Внутри загона саврасый малыш-жеребенок // Пошатываясь, ходит. // Когда подбежали поближе – // Подошел, фыркает, вымя [матери] ищет. // ‘Ах ты, бедняжка! Без отца и матери тоже, как мы, остался, бедняжка! // Вот он – лучший наш друг!’ – сказав, только схватили – // Отбросил [их], вот каким был!’ [7, с. 306]; Боктуг-даа эр бооп, // озуп келген: // Кадыр хавактан орgezин-даа олуруп эккээр, // Кара суундан балык-байлаһын-даа олуруп эккээр [11, с. 309]. / ‘Боктуг вырос и возмужал: // На крутых склонах сусликов убивал, приносил, // Из прозрачной реки рыб-пескарей добывал, приносил’ [7, с. 309].

В эпосе родное стойбище окружено чужими землями. Границей, разделяющей свою землю от чужой, могут быть высокие горы, речки, малые перевалы, подъемы, спуски, гора, хребет, водная стихия останутся, низменность. Например: Бедииниһ белинге дээп, // Чавызыныһ бажын базаып, // Хемчигеиштерни кеже халып, // Артчыгаиштарны ажа халып... [11, с. 330]. / ‘Где высокие [горы] – по склонам ступал, // Через речки перепрыгивал, // Через малые перевалы перескакивал...’ [7, с. 330]; Эр-даа доьш черге чортуп, // Довунчук черге шошкунгуурлап чорааш... [11, с. 339]. / ‘Мальчик [Бора-Шээлей] отправился: на подъемах [конь] шагом идет; // На спусках трусцою идет’. [7, с. 339]; Бедик кара таһды кырынга уне хап кээрге, // Ындында улуг ак хол чыткан. // Тос чустуг кара дуранын ушта соп эккелгеиш: // «Баран-сараан чуу костур эвес» – дээш, // Коруп олуурарга, // Даады-ла ак мал хой бооп-тур. // Эһ бетинде ак тевелер чораан // ‘Мооһ кадарчызындан // Бир чувениһ уун айтырып албас бе?’ – деп // Бодааш хап орда, // Аьды тура дуикен. // Дуже халааш: ‘Арбас-турбас Аян-Кулам, // Чоп турдуһ?’ – деп-тир. // Аьды тургаиш: ‘Кижичеринге бо-ла хевээр // Чоруур сен бе?’ – деп-тир эвеспе [11, с. 334]. / ‘На высокую черную гору прискакала, [видит:] Вдали большое светлое озеро. // Черную подзорную трубу с девятью коленами вынула, // ‘Не покажется ли что-то вдали?’ – Подумала и стала смотреть: Оказалось, много скота – сплошь белой масти. // Ближе к ней белые верблюды паслись. // ‘Не расспросить ли // Того пастуха?’ – Подумала, трогаясь с места. // Конь вдруг стал. // Она соскочила: ‘Мой выносливый-неутомимый Аян-Кула, // Почему же ты стал?’ – говорит. // Конь: // ‘И в чужой земле ты // В таком виде будешь?’ – говорит, оказывается’ [7, с. 334].

Лексема оорга / ‘хребет’ является главной зоной, где проходят состязания по стрельбе. Например: Эртендинде хой-даа сарыг оорганыһ кырынче // Шуужуп унуп каган-дыр. // Ол хой-биле чоруткаиш, // Оорга кырынга унуп кээрге, // Хамык чон чыылган, // Он-Шара-моге Болчайтылыг бора тейниһ кырында // Кезенген, тырттынган бооп-тур эвеспе [11, с. 376]. / ‘Наутро люди стали на желтый хребет подниматься, // Вытянувшись вереницей. // [Бора] с ними шагом поехала, // На хребет поднялась, / [А] там весь народ уже собрался, // Он-Шара-моге на сером холме Болчайты // Он-Шара-Моге с утра до вечера, // С вечера до утра [тетиву] оттягивал’ [7, с. 376].

Водная стихия представлена лексемами хөл / ‘озеро’, хем / ‘река’, далай / ‘море’. В эпосе лексема хөл / ‘озеро’ выступает постоянным местопребыванием остальных героев эпоса. Главным признаком слова хөл / ‘озеро’ является ее бескрайность. Следующие примеры свидетельствуют о том, как героиня, прибыв на чужую землю, видит много скота, который пасется на берегу озера, реки. Например: Бедик кара таһды кырынга уне хап кээрге, // Ындында улуг ак хол чыткан. // Тос чустуг кара дуранын ушта соп эккелгеиш: // «Баран-сараан чуу костур эвес» – дээш, // Коруп олуурарга, // Даады-ла ак мал хой бооп-тур. // Эһ бетинде ак тевелер чораан [11, с. 332]. / ‘На высокую черную гору прискакала, [видит:] Вдали большое светлое озеро. // Черную подзорную трубу с девятью коленами вынула, // ‘Не покажется ли что-то вдали?’ – Подумала и стала смотреть: Оказалось, много скота – сплошь белой масти. // Ближе к ней белые верблюды паслись’ [7, с. 332]; Бир улуг таһдыныһ кырынга // Уне хап кээрге, // Бир улуг сарыг хем, // Карак четпес сарыг хову коступ чыткан, // Дуже халааш. // Тос чустуг кара дуранын ушта соп алгаиш, // «Баран-сараан чуу костур эвес» – дээш, // Шинчип коруп олуурарга, // Даады-ла сарыг мал хой болган. // Эһ бетинде даһ-на хоор сарыг теве чораан [11, с. 352]. / ‘Когда на высокую гору [Бора] прискакала, // Большая желтая река // И неоглядная желтая степь показались. // [С коня] соскочила, // Черную подзорную трубу с девятью коленами вынула, // ‘Не покажется ли что-то вдали?’ – подумав, // Всмотрелась, взгляделась: // Оказалось, много скота – сплошь белой масти. // Ближе к ней желто-каурые верблюды паслись’ [7, с. 352].

Река является не только способом ориентации в пространстве, но и преградой. В эпосе зафиксированы глаголы движения со значением ориентации относительно течения реки: бадар / ‘спускаться вниз по реке или с более высокого места на более низкое, ехать (идти) с верховья реки в низовье или с гор в долину’; чоктаар / ‘идти, ехать (вверх по течению реки или из долины в горы)’. Например: «Андыг-дыр, ирем – дээш», // Хемни куду баткан, // Хой малчыннарга дооза ужжурашкан [11, с. 374]. / ‘“Хорошо, дедушка”, – // Мальчик

сказал // И вниз по реке поехал' [7, с. 374]; *Хемни кеже халыдып, // Арттарны ажа халыдып...; Оол тургаиш: «Могенин бодунга ужжуражып коор-дур» – дээш, // Хемни ору хокпехнеди // Шошкудуп чоктап кааптыр эвесе* [11, с. 480]. / 'Мальчик сказал: // "Встречусь-ка с самим мого!" // И вверх по реке // Трусцой, оказалось, поехал' [7, с. 480]; *Хемни кеже халыдып, // Арттарны ажа халыдып...* [11, с. 352]. / 'Через речки перепрыгивал, // Через перевалы перепрыгивал' [7, с. 352].

Далай / 'море' является препятствием на пути героини, которое нужно преодолеть. Например: *Хан чорупкан. // Далай кыдынга чеде бээрге...* [11, с. 421]. / 'Поскакала. К берегу [бурной] реки подъехала, [видит]...' [7, с. 421].

Название низменности *хову* / 'степь' обозначает место, где проходит борьба богатырей. Характерной особенностью степи является ее бескрайность. Например: *Алдын-Мого олургаиш: // «Ам даарта даһ бажы шара-хере, // Даиш бажы сарыг-шокар турда, // Сарыг ховуннуһ ол чартыынга сен, // Бо чартыынга мен белен турар эвесе. // Иелерниһ торуп кагган // Дорт мага эьди-биле // Корушкой бис аан» – деп-тир эвесе* [11, с. 348]. / 'Алдын-Мого: // 'Завтра утром, когда забрезжит рассвет // И вершины гор, посветлев, пестрыми станут, // Ты на той половине желтой степи, // Я – на этой ее половине, знай, должны быть готовыми. // Мы померимся [силой]', – говорит, оказывается' [7, с. 348]; *Хулер-Мого олургаиш: // «Харын коржур болза, корушкой-ле бис, // Ам эртен даһ бажы шара-хере, // Даиш бажы сарыг-шокар турда, // Карак четтес сарыг ховуннуһ ортузунга // Коржур би»* [11, с. 366]. / 'Ну, раз уж мериться [силой], так мы и померимся. // Завтра утром, когда забрезжит рассвет // И вершины гор, посветлев, пестрыми станут, // Мы померимся [силой] // Посреди неоглядной желтой степи' [7, с. 366].

В тексте встречается также лексема *одаг* / 'охотничий стан'. Понятие *одаг* маркирует место временного пребывания во время пути. Например: *Бора-Шээлей Эрээн-Улаатты чорудупкаиш, // Одаанче чанып келген* [11, с. 387]. / 'Бора-Шээлей, отправив Эрен-Улаата, // В свой стан вернулась' [7, с. 387].

В тексте эпоса небесная стихия представлена лексемой *ай* / 'луна'. Героиня планирует отправиться в путь в новолуние – лучший из дней (*айныһ чаазында, хуннуһ экизинде*). Например: *Айныһ чаазында, хуннуһ экизинде // Аьттанып чоруур деп, // Аштанып-чемненип алгаиш, // Акызыныһ кирбей салындан сал чарып, // Дугунден дугун чарып, // Кежегезинден кежеге чарып, // Хей илби-биле каданып-тооренгеш, // Эдик-хевин кедип, // Ок-чемзээн азынгаиш, // Тойлу шил корунчукке // Кордунуп, шинчиттинип олурарга, // Хазы-биле домейи канчаар-даа арга чок // Бооп-тур эвесе* [11, с. 326]. / 'В новолуние – лучший из дней, – // Собравшись отправиться в путь, // Поела-покушала // Из [клока] щетинистых усов своего брата усы себе сделала, // [Как] у него волосы себе сделала, // Глаза [похожими] на его глаза себе сделала, // Из косицы его косу себе сделала – // С помощью волшебства себя изменила-преобразила. // Его одежду, идики надела, // Его стрелы-оружие привесила // И, когда в тойлу – стеклянное зеркало – // Пристально на себя посмотрела, // Так оказалась похожей [на брата] – // Отличить невозможно' [7, с. 326].

В эпосе эти земли представляют ближнюю периферию пространства, с которой соприкасается герой, покинувший родное становище для выполнения сложной задачи: поиска брата.

Дальняя периферия представлена лексемами *тайга, арт* / 'перевал', *хем* / 'река'. Лексемы *арт* / 'перевал', *хем* / 'река' реализуются в конструкции с числительным *тос* / 'девять'. Например: *Чергелешек тос тайганыһ баары-биле // Тос артты ажып, // Тос хемни кежип келгеш...* [11, с. 474]. / 'Перед девятью тайгами, одна за другой, // Через девять перевалов перевалил, // Через девять рек переправился' [7, с. 474].

Слово *тайга* реализуется в конструкции с прилагательными *улуг* / 'большой', *бедик* / 'высокий', *кара* / 'черный': *Хан чоруп олурарга, // Бир улуг ондур бедик тайга турган* [11, с. 505]. / 'Дальше отправился. // Большая, высокая гора-тайга предстала [перед ним]' [7, с. 505]; *Бажында улуг кара тайганыһ баарында* [Там же, с. 504]... / 'А в конце ее, перед большой темной тайгой...' [Там же].

Юг / 'мурнуу чук', *восток* / 'чоон чук', *запад* / 'барыын чук' ассоциируются с чужой землей, трудностями. Герои эпоса при знакомстве называют не только свое имя, имя коня, своего отца, но и реки, горы, стороны света. Например: *Аян-Кулазын мунгаиш, // Чиге мурнуу чугун шиглээш, // Узун чоруун улаиштыр // Чоруп кааптыр эвесе* [11, с. 352]. / 'Села на Аян-Кула // И, свой долгий путь продолжая, // Отправилась прямо в южную // Сторону, оказалось' [7, с. 352]; *Чиге барыын чукте, // Сарыг-Хемни чурттаан, // Сарыг-Тайганы эжелей торээн, // Тайга-Сарыг аьттыг, // Сарыг-Хаан деп кижии // Мен-дир мен* [11, с. 514]. / 'Зовут меня // Сарыг-Хан, // Имеющий коня Тайга-Сарыг, // Живущий прямо в западной стороне // На Сарыг-Хем, // С рождения владеющий Сарыг-Тайга' [7, с. 514]; *«Чоон чукте чурттап турар. // Сарыг-Шокар аьттыг, // Сараатай-Мого деп кижии-биле // Адаан-моорей-даа кылза, // Кандыг боор?» – дээш, Бар чор мен* [11, с. 480]. / Еду я, думая: "А что если / Схватиться-сразиться / С человеком по имени Сараатай-Мого, / Имеющим коня Сарыг-Шокара, / Живущим в восточной стороне?" [7, с. 480].

Таким образом, в эпосе широко представлены элементы ландшафта, отражающие специфику географических особенностей ареала, своеобразных условий, уклада жизни, хозяйственной деятельности тувинцев. *Аал* / 'становище' является освоенным местом. Для героев героического сказания осмысление и освоение пространства имеет центр и периферию. В эпосе необходимыми для жизни героев являются водные источники. Как видно из примеров, река для героев служит не только источником существования, транспортной артерией, способом ориентации в пространстве, но и границей, разделяющей свою территорию и чужую. Море функционирует как препятствие на пути. Горы, тайга являются значимыми элементами ландшафта. Это связано с географической особенностью местности. Активное перемещение героев, преодоление горного пространства, охота, богатырские состязания происходят в горах. В эпосе важным является сакрализация

горного ландшафта. В религиозных представлениях почитание гор у героев занимает ведущее место. В горах, реках, степях протекает вся жизнь героев. Реки, горы, степи используются для содержания скота. *Куй* / 'пещера', *чалым-хая* / 'утес-скала' играют важное значение в жизни героев. Данные элементы ландшафта являются местом хранения. *Ай* / 'луна' – это временной определитель. В эпосе важные дела совершаются в хорошие дни, к каковым относится день новолуния. Следующим важным по значимости элементом ландшафта является степь. Степь выступает не только местом обитания, но и ареной битвы. Главным признаком степи является ее обширность. Низменности служат пастбищем для скота. Лексема *эзим* / 'большой лес' в эпосе употребляется редко. Лес является не местом богатырских состязаний, а местом отдыха. Обращает на себя внимание ориентация в пространстве по сторонам света (север и юг, восток и запад). Северная сторона связана с родным краем, юг, восток, запад – с чужой землей, испытаниями.

Список литературы

1. **Абдуллина А. А.** Функционально-семантическое поле пространственности в современном русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 1994. 17 с.
2. **Апресян Ю. Д.** Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., 1986. Вып. 28. С. 5-33.
3. **Барыс-Хоо В. С.** Лексико-семантическая группа глаголов движения в тувинском языке: в сопоставительном аспекте: автореф. дисс. ... к. филол. н. Новосибирск, 2006. 23 с.
4. **Бахтина В. А.** Время в волшебной сказке // Проблемы фольклора. М.: Наука, 1975. С. 157-163.
5. **Бондарко А. В.** Функциональная грамматика. Л., 1984. 136 с.
6. **Гезалов Ф. Х.** Структура азербайджанских волшебных сказок: автореф. дисс. ... к. филол. н. Ташкент, 1990. 23 с.
7. **Кудиярова А. В.** Тувинские героические сказания. Новосибирск: Наука, 1997. 584 с.
8. **Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С.** Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.
9. **Невская И. А.** Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск, 2005. 305 с.
10. **Орсулова Т. Е.** Послелогои и служебные имена в алтайском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2001. 17 с.
11. **Орус-оол С. М.** Тувинские героические сказания. Новосибирск: Наука, 1997. 584 с.
12. **Падучева Е. В.** Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике // Известия РАН. Сер. Литература и язык. 1993. Т. 52. № 3. С. 33-34.
13. **Сагаан Н. Я.** Система средств выражения пространственных отношений в тувинском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Новосибирск, 1998. 21 с.
14. **Семенова Л. Н.** Эпический мир олонхо: пространственная организация и сюжетика. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 232 с.
15. **Серээдар Н. Ч., Скрибник Е. К., Черемисина М. И.** Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск, 1996. 82 с.
16. **Сулейманова А. М.** Выражение пространственных отношений в кумыкском и английском языках: автореф. дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2002. 164 с.
17. **Токмашев Д. М.** Категория пространства в шорском героическом эпосе: лингвокультурологический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. Томск, 2012. № 3. С. 40-50.
18. **Хертек А. Б.** Значения локальных падежей в тувинском и хакасском языках: автореф. дисс. ... к. филол. н. Новосибирск, 2008. 25 с.
19. **Чугунецова А. Н.** Глаголы движения и формируемые ими модели простого предложения: на материале хакасского языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. Новосибирск, 2008. 25 с.

REFLECTING THE CATEGORY OF SPACE IN THE TUVAN LANGUAGE (BY THE MATERIAL OF THE HEROIC EPOS “BOKTUG-KIRISH, BORA-SHEELEI”)

Ondar Valentina Suvanovna, Ph. D. in Philology
Tuva State University
barys-hoov@mail.ru

The article is devoted to the analysis of name lexemes with a spatial semantics in the text of the heroic epos “Boktug-Kirish, Bora-Sheeleei”. In the text of a heroic legend special place is taken by such elements of landscape as mountains, rivers, steppe, taiga. All this testifies about the significance of these components of landscape in the life activity of epos heroes, they are the key fragments of the reality. The semantics of the lexemes of mountainous, water and flat landscapes is analyzed by the specific examples.

Key words and phrases: the Tuvan language; the category of space; epos; semantics; lexeme.